

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Евгений МОСЯГИН

ЭТО БЫЛО В СЕНТЯБРЕ 1943 ГОДА

Рассказ

Немцы оставляли Новозыбков. Ходили слухи, что они будут жечь дома и убивать жителей. Многие люди уходили из города, чтобы переждать опасное время в ближайших деревнях у родственников или знакомых. Мои родители поступили также. Они уехали куда-то за Шеломами в сторону Бобович. Переждать ночь в деревне моим родителям не удалось. Еще не начало смеркаться, когда внезапно издали донеслись звуки автоматной и винтовочной стрельбы. Встревоженный отец, посоветовавшись с матерью, решил покинуть деревню и до утра укрыться в лесу. Мама с Верой уложили в телегу вещи, взятые из дому, а отец принялся запрягать лошадей, и в это время совсем близко раздалась кратковременная, но очень громкая стрельба. Испуганный конь метнулся в сторону, отец бросился за ним.

Все дальнейшее происходило так быстро и было таким неожиданным, что потом ни отец, ни мать не могли мне толком рассказать, как и в какой последовательности разворачивались страшные для моей семьи события на окраине деревни. Вера, моя младшая сестра, говорила, что в то время, когда отец побежал за конем, она увидела, как по деревенской улице ехало несколько больших машин с немецкими солдатами.

Совершенно непонятно, почему они остановились у последней избы на окраине деревни. Что могло привлечь их внимание? Бедная простая повозка, у которой испуганно и растерянно стояли мать с сестрой или отец, догонявший коня? Скорее всего немцы в чем-то заподозрили бегущего по полю мужчину.

Из кабины первого автомобиля выскочил офицер, а из кузова прыгнули на дорогу несколько солдат. Раздались крики: «Stehen! Zurück!».

Отец обернулся и, увидев немцев, понял, что эти команды относятся к нему. Он послушно пошел назад. Один солдат схватил его за рукав и быстро повел к офицеру. Он толкнул отца к стенке сарая, резко прикрикнул: «Stehen!» и подошел к офицеру. Они о чем-то быстро и возбужденно говорили и в разговоре их несколько раз прозвучало слово «партизан».

Мать ничего не понимала, но сердце ей подсказало, что сейчас, сию минуту, может произойти что-то ужасное. Продолжая разговор с офицером, солдат поднял к плечу винтовку и направил ее на отца. Мать бросилась на ствол. Грянул выстрел. Обливаясь кровью, мать упала на траву. Обозленный немец передернул затвор. Опираясь одной рукой о землю и протянув другую к стрелявшему солдату, мать нашла силы приподняться. Она сказала:

- Вы же убили меня. Не трагайте отца, пожалейте его, с кем же тогда останется наша дочка...

Она упала лицом на траву и умолкла.

Отец рассказывал мне, что в тот момент, когда немецкий солдат целился в него из винтовки, на каске у него выросли рога. Отец ждал выстрела, но пулю приняла мать. Офицер остановил стрелявшего солдата, собиравшегося повторить выстрел. Он стукнул по винтовочному стволу сверху то ли тростью, то ли простой палочкой, которую он держал в руке. Солдат вскинул винтовку на плечо и все немцы пошли к автомобилю. Уже из кабины, приоткрыв дверцу, офицер на ломаном русском спросил, сколько километров до Катич. Отец набум назвал какое-то двузначное число. Немцы уехали. Отец и Вера склонились над матерью. Она была без сознания. Первым делом ее подняли с земли и уложили на повозку. Кровь остановить никак не удавалось, помощи ждать было не от кого. Отец, овладев собой, оставил плачущую Веру около матери, а сам побежал ловить коня. Это ему удалось. Он запряг коня, усадил Веру на повозку, чтобы она поддерживала голову матери и отъехал в лес, подальше от деревни и от дороги.

Очень быстро стемнело.

Винтовочная пуля попала матери в грудь с правой стороны. Вера прижимала полотенцем рану и полотенце намочило кровью. Ночь была сплошной мукой. И отец, и Вера думали, что мать умирает, помочь ей они ничем не могли. Кровотечение со временем ослабело, но боязнь за жизнь матери не покидала их. Отец плакал и просил у нее прощения, а мать изредка просила пить. Вера подносила к ее губам бутылку с водой.

Что только не передумал отец! То он хотел ехать куда-то, чтобы найти людей, способных оказать помощь жене, то отказывался от этой мысли, понимая, что ночью, в темноте, во время возможного передвижения немецких колонн они не то что смогут найти помощь, но попадут в еще более худшее положение. Он думал также и о том, что может быть ему следует оставить Веру с матерью, самому пойти искать где-нибудь врача, - он отказывался и от этого намерения, сознавая, что маленькую Веру нельзя оставить одну с беспомощной матерью в ночном лесу. Ставалось только одно, - ждать рассвета и ехать в Новозыбков.

Под утро отца показалось, что он услышал отдаленные человеческие голоса: не то песня доносилась до его слуха, не то звуки мужской речи. Он подумал, что это слуховой обман. Откуда в ночном лесу может возникнуть песня или чей-то разговор. Но песня негромкая мужская действительно звучала, сливаясь время от времени с общим шумом человеческих голосов. Самое же невероятное было в том, что и песня и звуки были русские.

- Жди меня! - сказал он Вере, - Это наши. Дорога рядом, я побегу туда.

Дорога была совсем близко и по ней

шли наши советские солдаты. Отец обратился к кому-то из военных, объяснил в чем дело и попросил медицинской помощи. В колонне передали команду, чтобы подошел врач с перевязочным материалом. В сопровождении двух автоматчиков военврач и отец быстро подошли к повозке. Начался рассвет, но в лесу было еще темно. Один солдат светил фонариком, врач осматривал раны нашей матери. Он сказал, что ее грудь прострелена насквозь.

- Это хорошо, - пояснил он, - что пуля вышла. Извлекать ее было бы очень трудно и болезненно.

Еще он сказал, что раны не воспалены и кровотечение почти прекратилось. Врач сделал матери укол, обработал и забинтовал раны. Отцу он посоветовал ехать немедленно в город и сразу же обращаться там за медицинской помощью.

- Если не будет гражданских врачей, - предупредил он отца, - обращайтесь к военным, они в любом случае окажут

Рис. К. Попова.

помощь. Держите себя в руках, жена поправится. Поезжайте осторожней, чтоб поменьше трясло телегу.

К обеду мои родители вернулись домой. Первым делом отец обратился к соседу - фельдшеру Титу Григорьевичу. Пожилой медик не стал трогать повязку на груди матери.

С огнестрельными ранами мне ни разу не приходилось иметь дело, - сказал он отцу и посоветовал поискать военного хирурга.

Мама была в сознании, ее напоили чаем и она тихо, не разговаривая, лежала в своей постели. Моя старшая сводная сестра нашла военного врача. Это был молодой майор. Он снял бинты с груди матери, осмотрел раны и наложил новую повязку. Он пообещал через день прислать своего фельдшера, а пока, сказал он, раненую не следует беспокоить и только необходимо следить за температурой.

- Если температура будет повышаться, немедленно сообщите мне. Ваша дочь знает, где меня искать.

Врач собрал свою сумку и, перед уходом, сказал:

- А вообще, случай удивительный и очень обнадеживающий. Пуля не задела легкие и прошла через мягкие ткани.

Мама поправилась. Сквозная рана ее была необыкновенной: пуля пробила грудь, но не затронула ребер, не повредила на выходе лопатку правой руки и не задела легкие. Мама говорила, что ее спасла и защитила Пресвятая Богородица. Может так оно и было. Но вот

то, что мать спасла жизнь нашему отцу - вот это было абсолютно бесспорно. Те недолгие секунды, что отец простоял у стенки сарая, когда в него целился из винтовки немецкий солдат, не оставили сколько-нибудь заметного следа в его характере. Он говорил мне, что когда упала, как ему показалось, убитая мать, он мгновенно и отчетливо подумал: «Зачем она, пусть бы убивали одного меня». Отец оставался дружелюбным, спокойным, в меру оптимистично настроенным человеком.

Мать стоически, без ропота перенесла жестокое солдатское ранение, совершенно несвойственное ни женскому организму, ни психологическому настрою порядочно и глубоко религиозной женщины. Она никогда и нигде не говорила о своей ране, ни у кого не искала ни сочувствия, ни участия. Она продолжала жить, как и до этого, без единой жалобы выполняя всю ту же домашнюю работу, что и прежде. В голодные и жестокие послевоенные годы весь дом держался на ней, на ее бытовых трудах и заботах.

Один только раз она поговорила со мной о том, как в нее стрелял и как ранил ее немецкий солдат. Это было во время нашей первой встречи, когда я вышел из немецкого тыла и вернулся домой в декабре 1943 года. Поздно вечером, после скудного застолья, уложив спать моих попутчиков мама присела на мою постель и мы немного поговорили о том, что происходило в Новозыбкове во время моего отсутствия. Отец был в командировке в Москве по делам восстановления спичечной фабрики «Волна революции». Мы тихо разговаривали, потом мама расстегнула верхнюю пуговку кофточки и показала мне рану от входного отверстия пули.

- А меня ранило, когда тебя не было. Насквозь ранило, пуля выскочила под лопаткой, - сказала она и застегнула кофточку.

В ее жесте и в ее словах было что-то застенчивое. Удивительно, что ни упрека, ни осуждения ни в чей адрес она не высказывала. Мне показалось, что она могла бы сказать: «Видишь, и я приравнялась ко всем, кто воюет и кого убивают на войне. Но это ж не по моей воле случилось. Значит и моя кровь понадобилась для войны».

Конечно, ничего этого мама никогда не говорила. Она молилась Богу и продолжала жить по совести и по чести.

Иногда я думаю, а что случилось с тем немцем, что стрелял в мою мать? Дожил ли он до конца войны? Неужели не осталось в его памяти того осеннего вечера, когда он здоровый и молодой стрелял в пожилую беззащитную русскую женщину?

Мужчины Германии! Кто из вас еще не покаялся в пролитой вами крови ни в чем не повинных людей?

Два моих старших брата и я - мы все трое были командирами или солдатами Великой Отечественной войны. Но никто из нас ни разу не направил оружия на мирного немца - мужчину, женщину или ребенка. Мы воевали за Родину, но мы никому не мстили, даже за кровь нашей родной матери.

Уважаемые новозыбковцы, ветераны Великой Отечественной войны, бывшие партизаны и подпольщики, труженики тыла, блокадники.

Примите искренние поздравления с 57-ой годовщиной освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков.

Низкий поклон всем, кто в годы войны грудью встал на пути агрессоров, всем, кто в тылу ковал нашу Победу, сеял хлеб, варил сталь и точил снаряды, всем, кто после освобождения в кратчайшие сроки поднял из руин разрушенные города и села, восстановил заводы и фабрики.

Вечная память тем, кто не вернулся с ратных полей. Мы уверены, что в тяжелейшие времена мы сможем выстоять и победить.

Счастья, здоровья, успехов во всех ваших начинаниях, оптимизма вам, уважаемые земляки.

Глава администрации И.А. НЕСТЕРОВ. Председатель городской Думы З.М. НАЗИЛИНА.

Уважаемые ветераны, жители Новозыбковского района и города Новозыбкова!

Сердечно поздравляем Вас с 57-й годовщиной освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков.

Наш край славен боевыми и трудовыми подвигами своих сыновей и дочерей. Мы гордимся земляками и благодарны воинам, партизанам, труженикам тыла, всем, кто прошел трудными дорогами войны, за освобождение не только нашей малой Родины, но и всей страны, за полную победу в Великой Отечественной.

Желаем вам ветеранам и всем жителям района здоровья, успехов, веры в свои силы, счастья, семейного благополучия, мирного неба.

Районный Совет депутатов. Администрация района.

Леонид ЩЕМЕЛЕВ
ЧАСЫ

Я взглянул на часы
И задумался вдруг.
Это - жизни весы,
Мера - стрелочный круг.
Почему, что прошло
Вновь уже не придет?
Почему, что грядет
Нас уж не подождет?
Потому, что бегут
Стрелки наших часов,
И секундами ткут
Дни прошедших годов.
А что будет - придет,
Надо лишь подождать.
И за стрелкой часов
Не спеша прошагать.

Дмитрий ТОЛКАЧ
***

Вы мне по-прежнему
нужны,
И Ваших дивных глаз
сиянье -
Недаром трепетные сны
Полны всегда
очарованья

И в них с тобою мы парим,
Одним дыханьем в них
мы дышим,
Блаженной негою горим
И трав волшебных
шепот слышим...

«Осень пришла». Фотохуд Д. Аганова.

Людмила ЛУКЪЯНЕНКО
***
Денег нет, а я не знаю.
Счастья нет, а я желаю.
Нет любви, а я все жду.
Жизни нет, а я живу.

Артур ВАГАБОВ
***

Уязвимей меня -
не найдешь,
Терпеливей - так вот я,
рядом.

Мои слезы любить умеют,
По щеке скользят
так легко
И тревожить тебя не
смеют.
Не ищи, ведь я не ищу,
А, пожалуй, - сама
выбирай.
Двадцать лет миру
думу кричу,
Что за жизнь в ней -
пока не гадай.

Лучше вспомни наш
ласковый дождь,
Ночь, когда я «люблю»
вдруг сказал.
Уязвимей меня не
найдешь,
А нежнее - открой
глаза.

Мария МУХИНА
***

Я любви не стану
вымаливать -
Это будет уже не
любовь.
Если нет... Что уж там
уговаривать

И надеяться вновь
и вновь.
Пред тобою не буду я
кланяться,
Если хочешь - в глаза
погляди.
Лучше боль без конца и
без края,
Только бы - не любовь
без любви...

Вадим ФЕЛЬДМАН
***

Двое танцевали у вокзала,
День багряно-темный
уползал,
И она наказ ему отдала -
Никогда не доверяй
глазам.

Оба потускнели среди
ночи,
И неслышно ставили
заслон
Те, кто ничего смотреть
не хочет
и смешон.
А когда от пристани
кричал им

Голос, приказавший
перестать, -
Он им показался
слишком вялым,
И они не бросят
танцевать.
И в потоке глаз,
пришедших рано,
Таял блик,
неизмеримо ал.
Двое танцевали
у вокзала,
Долго-долго вечер
догорал.

Антонина РАДЧЕНКО
УЛЫБКА ЯСНАЯ
ПРИРОДЫ

Ажурным кружевом
березок
Подернут
молодой
лесок,
И мне протенькает
над ухом
Пичуги тонкий голосок.
В долине коростель
чуть скрипнет,
И муравейник оживет.
В зеленых волосах
осины
Играет свежий ветерок.
Паук на тонкой
паутинке
Затянет память
в узелок,
И на поляне земляника
Взметнет свой красный
огонек.
И каждой клеточкой
своей я
Приветствую
дыханье дня,
С улыбкой ясною
на листьях
Природа смотрит
на меня.

Выпуск подготовил Константин ПОПОВ.